

Виктор Гофман

ВОЛНЕНИЕ
ЗВУКА

Виктор Гофман

ВОЛНЕНИЕ
ЗВУКА

СТИХИ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1990

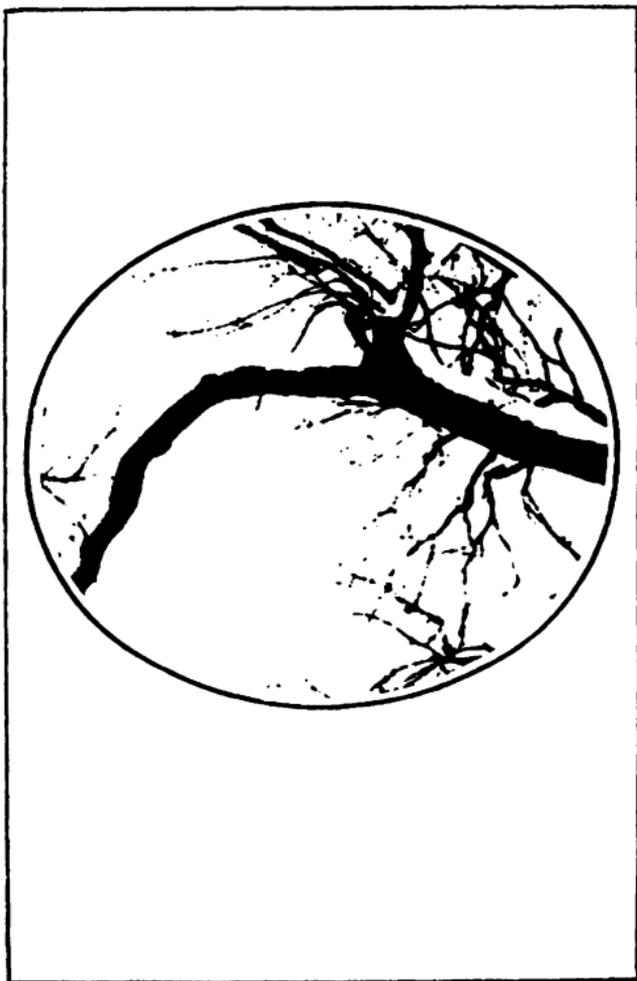
* * *

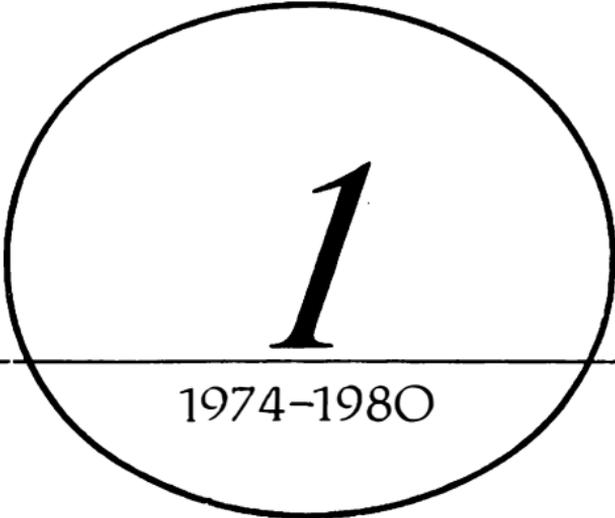
*Все знакомо на этой тропинке лесной,
И свернуть мне уже невозможно.
Что ж деревья так странно шумят надо мной?
Что-то сердцу тревожно.*

*У начала творенья не все ль решено.
Не тверда ли дорога.
Разве то, что нас ждет, не минуло давно.
Так о чем же тревога?*

*Слышно — сосны большие шумят в вышине
От вершины к вершине.
Или это тоскует Отец обо мне
И вздыхает о сыне?*

*Лес шумит, а в груди непонятная дрожь,
Бессловесная мука,
И не хочешь уже, а все дальше идешь
На волнение звука.*

1

1974-1980

* * *

Так, вырвавшись из-под льда,
освобожденная вода
бежит, волнуясь, по ложбине,
так старый гордый человек,
измучась сердцем на чужбине,
вдруг падает на русский снег,
так выйдешь из дому порой,
и воздух мартовский, сырой
бессильной памятью тревожит,
так только музыка несет
то — что, быть может, нас спасет,
что слово выразить не может.

Спас-купалище

Засыпают листья пруд.
Осень над водой горит.
И о том, что не умрут,
древо древу говорит.

У стены монастыря
тишина и благодать,
загорается заря,
золотя сырую гладь.

И опять,
                                опять,
  опять
листья шепчут на ветру
и о том, что не понять,
и о том, что не умру.

* * *

Терновый куст не загорится,
растает облако вдали,
и снова сердце усомнится
в высокой истине земли.

Но, слава богу, есть березы,
их милосердный, белый свет,
и есть еще слова и слезы,
которым объяснения нет.

Блок

Долго падать пришлось с осиянной и гордой вершины
Камнем совести тяжким,

и сердце уже в полгруды:

Только ноет пурга, и в ночи переулки пустынные,
И уже сомневаешься, что там горит впереди.

И уже не понять в затяжной суматохе кровавой,
по усталой земле чьи тяжелые это стопы —
то ли музыки правда и поступь истории правой,
то ли в храме бесчинства измученной, темной толпы.

Ну а жизнь позади, что ни думай о ней, что ни делай,
И одно лишь еще, как вначале, щемяще влечет —
Раствориться в мелькающих хлопьях мелодией белой,
Может, вынесет к свету, может, снегом Господь занесет.

Дуют ангелы в шлемах в походные легкие трубы,
Застилает столетью январь ледяную постель...
Больше нечем дышать, и беззвучно шевелятся губы.
Больше не о чем петь...

Он уходит, уходит в метель..

Гераклит

Если стал тираном демос,
от короны откажусь,
в платье старое оденусь,
в храм эфесский удалюсь.

На виду у граждан грубых
там устрою я возню,
приглашенья персов глупых
благосклонно отклоню.

И в пещере над обрывом,
среди сумрачных камней,
в размышленья молчаливом
доживу остаток дней.

В жизни все течет непрочной,
жалок краткий век земной,—
пусть горит порой полночной
влажный Логос надо мной.

* * *

Люблю березовую рощу,
когда сухой октябрь сквозит
и лист летит как бы на ощупь,
но плавно в воздухе скользит
и словно росчерк предо мною
выписывает, еле зрим,
и притяженье неземное
так ласково владеет им.

Бессонница

Утром проникающим и черным
Дворник лом с лопатой берет,
Долго отупело и упорно
Отбивает и бросает лед.

Дует он в мозолистые руки,
А вокруг пустынно и темно,
И опять размеренные звуки
Отражает каждое окно.

Мысль моя беспомощно повисла,
Словно люстра темная в тепле,
Тая от бессмыслицы и смысла,
От бессонной ночи на земле.

И она поскрипывает тоже,
От бессилья зла и горяча,
Доводя до слабости и дрожи,
Ужасом сомненья щекоча.

Вы зачем со мною, как живые,
Словно с детства с каждым я знаком,
Дворники, дворяне, дворовые,
Человек усталый со скребком?

Ангелочек

В конце сентября в Подмоскowie
среди отдыхающих лиц
я жил отболевшей любовью,
шуршаньем листвы и страниц.

Скучал между шахмат и строчек
я множество пасмурных дней,
как вдруг прилетел ангелочек
с божественной песней своей.

Все было смешно в ангелочке:
румянец на пухлых щеках,
развязанные шнурочки
на крохотных башмачках.

Он пел вдохновенно и ясно
о свежих цветах на столе,
о том, что светло и прекрасно
на этой прекрасной земле.

И, слушая нежные звуки,
я видел: меж мокрых ветвей
выдавшие виды старухи
гуляли в тумане аллей.

Был день по-осеннему хмурый,
и от корпусов в стороне
печальные эти фигуры
казались печальней вдвойне.

Я знал эти тихие тени,
по вялым, дрожащим губам
я видел, как трудно ступени
даются тяжелым ногам.

От завтрака и до обеда,
потом в ожиданье кино
у них протекает беседа
о том, что минуло давно.

И много за слабой спиною
тревожной воды утекло,
строительством, страхом, войною
им время на плечи легло...

Но, комкая белый платочек,
наивную песню свою
восторженно пел ангелочек,
как будто родился в раю.

Он пел высоко и свободно,
не видя вокруг ничего,
и было кому-то угодно
блаженное пенье его.

И песня его не кончалась,
и плыли в окошко слова,
и слабо при этом качалась
смешная его голова.

Усть-Нарва

Море,
ветер,
дюны,
ивы,
чайки хрипый голосок,
волны Финского залива
набегают на песок.

Я припомню жизнь глухую,
пожалее о живой
и о друге затоскую
под холодной синевой.

Полечу над хмурью водной,
равнодушный ко всему,
одинокий и свободный,
внемля богу одному.

Погляжу в оцепененье
в даль надменных, пенных вод,
где, темнея в отдаленье,
лодка бедная плывет.

Бах

Опять в смычке твоём протяжном
отрада душу отрешить,
и умирать с тобой не страшно,
и силы нет с тобою жить.

Что делать мне?
Сказать: «Помилуй,
мне бремя это не поднять!» —
или, воспрянув, с новой силой
тебя, далекого, обнять?

* * *

Офелия гибла и пела...

Фет

Что там невнятно лепетала ты,
о чем волнам блаженно напевала,
кому с улыбкой слабою кивала,
соединяя в забытьи цветы,
последнее сплетая покрывало?

Невинная.

Но кто же виноват?

Печальная.

Но кто же не печален?

Когда дохнуло холодом из спален,
зачем меня не отыскал твой брат?!..
И я теперь — как ветер меж развалин.

Чего ты ищешь, вольный и больной,
о чем свистишь, зачем ты камни точишь,
чего ты здесь еще добиться хочешь —
или, не в силах сжиться с тишиной,
и ты поешь, и ропщешь, и бормочешь?

* * *

Вот он, забытый языческий миг!
Как после плавания мышцы гудят!
Каплю соленую ловит язык,
солнце и капли на теле блестят.

Взгляд мой блуждает по стройным ногам,
чьи-то глаза отвечают, смеясь.
Радость живущему! Слава богам!..
По морю кто-то проходит, светясь.

* * *

Ладошки тянут побирушки
и шепелявят о Христе,
сияет купол в высоте,
и крестятся на крест старушки
и поминают о посте.

...Потом плетутся вдоль ограды,
ногами шаркая в пыли,
и растворяются вдали,
как будто впрямь кому-то надо,
чтоб так согбенно шли они.

Простой и пыльной их дороги
зачем и мне не подарил
и в бедном сердце поселил
неутолимые тревоги
и отрицанья странный пыл?

Ушба

Где-то от будней и службы
В невероятной дали
Высится гордая Ушба
Древней грузинской земли.

Средь суеты неизбежной
Только забудусь на миг —
Вижу я пик ее снежный,
Слышу я коршуна крик.

Люди вокруг и машины.
Я на аркане возни.
Что мне до этой вершины?
Что до ее белизны?

Только все чаще и чаще
Видится издалика,
Как проплывают маняще
Мимо нее облака.

На лыжах

Вперед с надеждою ребенка
лыжня упрямая бежит;
одна среди равнины тонко
травинка желтая дрожит.

Напрасно тусклое светило
зовет к безвольному добру —
уже пространство охватило
меня отрадой на ветру.

Мое дыхание все чаще,
все легче вдохновенный бег,
в лицо летит, как бы звучащий,
несущийся над полем снег.

И горькой радостью свободы
так упоительно дышать
и в каждом вдохе осушать
мне уготованные годы!

* * *

Как зверек недогадливый, бился
в милосердных ладонях твоих,
а потом слепоте удивился,
изнемог, присмирел и затих.

Мне теперь хорошо одному
наблюдать, как текут полустанки,—
прислонившись к окошку в ушанке,
улыбаясь не зная чему.

Гетсиманский сад

Душа моя скорбит смертельно,—
я крест знакомый узнаю,
дыханье дали беспредельной
не утоляет боль мою.

Я весь во власти плотской дрожи,
и грудь беспamięтно мертва.
О, если можно, сделай, Боже,
чтоб не сбылись твои слова!

Твои надзвездные глаголы
я нес в сумятицу времен,
откуда ж этот пот тяжелый,
и немощь зыбкая, и стон.

Кругом стоит ночная влага.
Спят христиане глубоко.
Я говорил, что иго — благо,
что бремя трудное легко.

Но как в сомненье каменеет
и давит, и стесняет грудь!
И лишь любовь к тебе сумеет
во мглу рассветную шагнуть.

* * *

Искрится мокрый снег, плывут большие льдины,
и ветер мне несет свободы вечной весть,
и даже в том, что мы с тобою не едины,
и в этом что-то есть, и в этом что-то есть!

Стоит над миром март, и синь простора стынет,
и солнце все щедрей на скудности куста,
переболит душа и снова крест поднимет,
и снова станет жизнь желанна и проста.

* * *

Я плачу, Арагва! Не ждал, что увижу,—
и вот ты, живая, журчишь, убегаешь...

Застывший, бесстрастный, как снег на вершине
белеющий немо над звучной тобою,
когда его солнце весною коснется,
когда он услышит твой зов каменистый,—
я плачу, Арагва.

Холодным терпеньем иссушено сердце,
угрюмое горло мне жалость сдавила,
и годы восстали, и тянутся к жизни
былые надежды...

Окрестных селений слепые отары
послушно и сонно на склонах пасутся;
но нет мне смиренья!

И плещутся пенно бегущие волны
о круглые камни;
но нет мне восторга!

И вольные птицы парят над вершиной;
но нет мне покоя!

А время проходит, прохладой вея...
Я плачу, Арагва!

* * *

Мычит одиноко корова
На зябком рассвете,
Чужого осеннего крова
Хозяйка и дети.

Привычно собрался хозяин
На рынок в Боржоме...
А я все живу неприкаян,
Не знаю о доме.

Уже я расстался с мечтою
О граде далеком,
Уже удручен немотою
В пути одиноком.

Уже я опоры не вижу
И стих не целебен,
Уже мне мычание ближе,
Чем душный молебен.

Но где мой очаг и отчизна,
Доселе не знаю,
И слышится то укоризна,
То песня степная.

* * *

Когда я стану старый
И излечусь от боли,
Я выгоню отару
Пастись в большое поле.

А если кто-то вздорный
Захочет доли лучшей,
Пускай он ночью черной
Идет тропой, заблудший.

Не вывешу звезду я
Над этой головою,
Пусть ищет, негодуя,
Живет, по-волчьи воя.

А если станет старый,
Не упадет от боли,
Пусть выгонит отару
Пастись в большое поле...

О, как земля чужбинна,
Как все на ней повторно,
И так душе пустынно,
Как небесам просторно!

* * *

Высо́ко в небе необъятном
плывут большие облака,
и есть в пути их непонятном
свободы вечная тоска.

И долго сердце протестует
и трудно выбирает дни,
а это южный ветер дует,
и к северу плывут они.

* * *

Саше

К брату я шел через поле ночное,
вьюга округу во тьме заметала,
мелкие хлопья несла предо мною
и равнодушно в лицо мне хлестала.

Долго я бредил в бревенчатом доме,
долго валялся на душной кровати
в темном сомненье и смертной истоме,
только очнулся — и вспомнил о брате.

Здесь же он рядом работает, бедный,
может, устал и навстречу мне вышел,
голос как будто еле заметный
там, за метелью, тоскуя, услышал.

В плотных сугробах во тьме утопая,
трудно дыша, но предвидя иное,
и причитая, и слезы глотая,
к брату я шел через поле ночное.

Утро

Т. М.

В первый раз проснулся я с улыбкой,
первый раз за много-много лет —
за окном весенний воздух зыбкий,
птичий переливчатый рассвет.

Неужели так еще бывает:
дышит зелень каждого листа,
ветер веет, солнце пригревает,
и душа, как в юности, чиста.

За оградой всё живее дали,
всё слышнее клейкие кусты,—
это почки вдруг забормотали,
как спросонья бормотала ты.

Ничего на свете я не знаю,
выходя на раннее крыльцо,
только радость свежая, сквозная
майским утром веет мне в лицо!

Мостик

Т. М.

Теплый дождь шелестел по округе,
словно шалость весеннего дня,
рядом легкая поступь подружки
иногда оживляла меня.

Мы дошли до большого оврага:
было слышно журчанье внизу,
и туманная тихая влага
чутким паром стояла в лесу.

На исходе намокшей тропинки
вниз на мостик ступени вели,
распустившейся вербы пушинки
невесомо желтели вдали.

И впервые за долгие годы,
примираясь друг с другом, слились
женский голос и шелест природы,
эта жалость земная и высь.

До ступеней последних, до глины
захотелось с тобою пройти
этот мостик непрочный и длинный,
над оврагом невидный почти.

* * *

Здесь первозданно и прохладно,
и пахнет водяной травой,
а ты жужжишь и кружишь жадно
над утомленной головой.

Вот рябь по звездам пробежала,
и ропщут темные кусты,
тебе ж вонзить и вынуть жало —
и сыт уже, и счастлив ты.

Измученный невольным бдением
ночами, в местности сырой
твоим назойливым гуденьем
я раздражал себя порой.

Но ныне среди тварей мира
себе врага не вижу я —
звучи же, маленькая лира,
есть, видно, правда и твоя!

И что мое ночное пенье,
я сам не ведаю пока —
души бессмертной ли томленье
иль плоти жалкая тоска?

* * *

Вечерний блеск ленивого течения
и влажность свежая кругом,
и двух березок белое свеченье
на недалеком берегу другом.

Когда уйду я рано или поздно,
любимые места со мною не умрут,
настанет вечер — будут те же звезды
смотреться в тот же пруд.

Лишь иногда под елями густыми,
когда вокруг не будет ни души,
о том, что я не здесь,
о том, что я не с ними,
легко вздохнут ночные камыши.

Кактус

Кактус уродливый, кактус колючий,
богом прикованный к почве сухой,
вечно томимый жаждою жгучей,
тоже, наверно, живой.

Смотрит он в небо, дождя ожидая,
тонет он сердцем в тоске голубой,
и на колючки его, проезжая,
сплюнет небрежно ковбой.

И пронесется табун быстроногий
сочные травы в долинах искать;
там и останется он одинокий
и удрученный стоять.

Ноябрь

Всем уж казалось — сугробы и лед.
Снова зачем-то дует и льет.

Окна потеют. Капли ползут.
Рано темнеет, и люди идут.

Вот пешеход, и еще пешеход.
Скоро зима. Завершается год.

Байрон

Когда б я не был ввергнут в эту муть,
когда б не время с хваткою паучьей,
все выше в небо и все глубже в грудь
не уходила б скорбь моих созвучий,

но суматоха искажает суть
и раздражает в свалке неминучей —
и вот уж негде взгляду отдохнуть,
и дух тревожный все дружнее с тучей,

у став в толпе томиться взаперти,
у став по будням, как червяк, ползти,
и остывать, и уповать на случай.

Мне негде быть и некуда идти.
И ты меня, пожалуйста, прости
и тихой добродетелью не мучай.

Гельдерлин

Уже ноябрь. И замерзает грязь.
И травы иней чистый покрывает.
Все ближе даль, все глуше с миром связь;
и дни неслышно убывают.

Один, другой... Тебе они как дым.
Что прожито в уме, то в жизни уж не близк
Тяжелых туч свинец неумолим,
и лес вздыхает горестно и низко.

Уж не вернется к южным берегам
свободное и свежее дыханье,
и не вести пирующим богам
под пенье жертвы на закланье.

С тех пор как он по городам прошел
прямой и твердой поступью провидца,
уже друзей не созовет Эол,
уже на воле не резвиться.

Уже не петь Овидию вослед
свободное Эрота ликованье,—
как нашим дням, векам возврата нет,
и гибельны напрасные старанья.

В дороге

Вот наутро солнце глянет
на бегущие поля,
и в окошко юность грянет,
и опять желанна станет
бесконечная земля.

Хорошо растаять в стуке
расходившихся колес —
снова к звукам тянут звуки
ропот, ревность, радость, руки,
снова в мире нет разлуки —
только белый мельк берез.

Словно не было в помине
ложной боли, блеклых лет —
только легкость беглых линий,
только ранний бодрый иней,
только дали голос синий,
только ветер,
только свет.

Сулико

Что сидишь, Сулико,
И следишь за игрою постылой?
Далеко-далеко
Дуновение Грузии милой.

Сквозь назойливый дым
Несся шар твой, сомненья не зная.
Мог ли ты быть иным
И могла ли игра быть иная?

Что ж без добрых речей,
В отупляющей муке упорной,
Хоронясь от властей,
На троих распиваешь в уборной?

И, смотря, как юнец
Неумело насилует лузу,
Понимаешь конец,
Как и я — обветшалую музу.

Опускаться во тьму
Тянет с гибельной тайной отрадой,
Словно вызов тому,
Кто тебя искалечил наградой.

Глаз тяжелый кривишь,
Не брюзжа над судьбой быстротечной,
Лишь устало следишь
За игрой этой длинной и вечной.

* * *

Играет солнце гаснувшим лучом
на неоконченной тетради,
и странно, и смешно не думать ни о чем,
в окно распахнутое глядя.

И как он ни далек, весенний день,
и как ни тяжелее год от года,
но вот они — и травы, и сирень,
и в воздухе разлитая свобода.

Как редки эти легкие часы
между собой и миром... Нет страданья!
Лишь ровное жужжание осы
одно звучит в застывшем мирозданье.

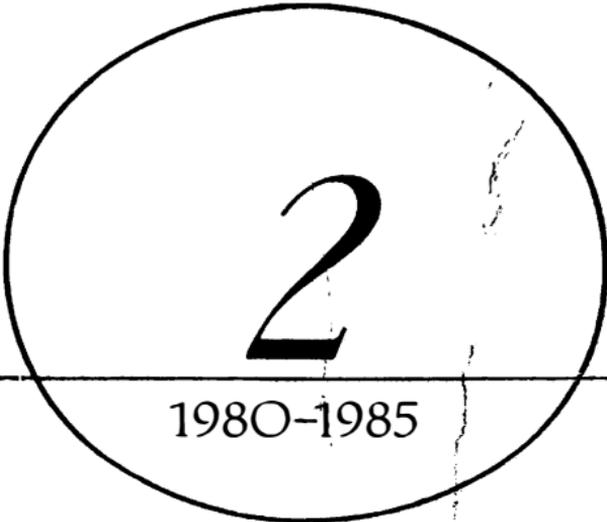
* * *

Мещанская тоска, божественная скука —
не все ли мне равно, когда погасла ты,
но слышу я порой тревожный ропот звука,
и снова предо мной забытые черты.

Последние шаги.

И голос, и осанка
прощальным взмахом сердце шевелят...
Спешат домой служители из банка,
и над машиной мучится Уатт.

И хочется себя обманывать концертом:
где хочет дышит дух, где хочет дышит слог,
но все тесней земля, оставленная смертным,
лишь о себе скорбит слабеющий смычок.

2

1980-1985

* * *

Его глаза полузакрыты,
игра висит на волоске,
и нет у Лужина защиты,
и плачут пешки на доске.

Расплывчаты поля и люди,
и дождик каплет на дворе...
А он блаженствует в этюде,
не относящемся к игре.

Но все назойливее лица,
глаза подруг, дела друзей,
он к упрощениям стремится:
размен фигур, размен ферзей.

И, словно прошлому в насмешку,
простор пустых полей забыт,—
реализовывая пешку,
он в пошлом эндшпиле сопит.

Да, трудно быть несовременным!
И, смотришь, года через три
он станет тренером и членом
комиссий, обществ и жюри.

У памятника

Под нависшим беспробудным небом
С горестно поникшей головой,
Заметаемый декабрьским снегом,
Ты сидишь над праздничной Москвой.

Снег ложится на худые плечи.
Тяжело в забвенье замерзать.
Мне тебя укрыть сегодня нечем,
Не утешить, слова не сказать.

Мир проходит — делает покупки,
Принимает тающий снежок,
Толчет души, как алхимик в ступке,
И меня стирает в порошок.

И уже не оградиться смехом,
Возвышась надменно над страной,
Если годы сиротливым эхом
И зовут, и ропщут за спиной.

Мне еще бежать по магазинам,
Темный дух заботою терзать,
В смрадном выживании крысином
Десять раз из гроба выползать.

Через век в бессилии усталом
Посмотреть на город тяжело,
С головой накрыться одеялом
От друзей, от мира, от всего.

Свидание

Старик в расстегнутой сорочке
подолгу смотрит в потолок
и пишет, пишет на листочке
свой бесконечный монолог.

А тот с умильным, тихим взором,
оставив мятую кровать,
идет пустынным коридором
и воздух силится обнять.

А тот с утра, неугомонный,
твердит, что кончилась земля,
и смотрит в сумрак заоконный,
губами странно шевеля.

И я, минуя койки, склянки
и стол с облезлым домино,
спешу к Наташе-практикантке
с двумя билетами в кино.

Ей в «Октябре» или «Повторном»
я буду страстно руку жать
и в здравомыслии позорном
безумный путь свой продолжать.

Зимний лес

Смирился зимний лес густой,
И унялась пурга,
Холодной мертвой красотой
Баюкают снега.

Еще вчера капли всхлип
Звучал на сто ладов,
А нынче только редкий скрип
Возвышенных стволов.

Лишь занесенные кусты
В забывшемся лесу,
И шапки снежные густы,
Не дрогнут на весу.

До ветки страшно в эти дни
Дотронуться рукой,
И сердцу позднему сродни
Его большой покой.

Не ищет утешенья ум,
И в тишине сплошной
Не слышен жизни ложный шум,
Далекий шум земной.

В метро

Отрадою макулатурной
В далекий край унесена,
Ты там, где Лувра блеск ажурный,
Любовь, коварство и война.

Там что-то замышляет Лига,
Сверкает солнце на клинках...
Слегка подрагивает книга
В твоих забывшихся руках.

Сиди весь день на стуле жестком
Над канцелярской суетой,
Беги по шумным перекресткам,
В жестокой очереди стой.

Стирай... Старей неотвратимо,
Накручивая бигуди,
И красоты, и жизни мимо
К концу тяжелому иди.

Но здесь забудешь, слава богу,
Одышку вечную тщеты,
Уже не острую тревогу
Невоплотившейся мечты.

Летит во тьме и громыхает
Вагон московского метро,
А над тобой сейчас витают

Де Гиз,
Анжуйский,
Монсоро.

В глазах мерцает светоч зыбкий,
Далекой жизни красота,
И удлиняются в улыбке
Твои поблекшие уста.

Шум морской

Пусть вечный за спиной приморский город душный,
наскучивший себе, пылится день-деньской,
я снова пред тобой, спокойный и послушный,
забывший обо всем, я слышу шум морской.

Ворочаться устал ребенок в колыбели,
доверчиво склоняясь к прибою головой;
все матери земли так ласково не пели,
как мне сейчас поет дремучий голос твой.

Запеленай меня в седой песок горячий,
дыханием развей прах неподвижных дум;
как нѣмоцный вставал и прозревал незрячий,
меня в вечерний час врачует этот шум.

Потом когда-нибудь, когда глаза закрою,
ленивый этот вал до сердца донеси
и на прощанье спой, как в юности порою,
сомненье успокой и памятью спаси.

Пусть снова оживут во мне твои наплывы
и я увижу вновь и камни, и прибой,
и твой родной простор...

И в этот миг счастливый
нахлынь, и обойми, и унеси с собой.

В детстве

Что там за темной тропинкой таилось,
К дому мешало шагнуть?
Страшное чудилось, злобное мнилось...
Хоть бы прошел кто-нибудь!

Окна горели, казалось бы, рядом
Теплым, знакомым огнем,
Долго смотрел ожидающим взглядом
Я на родительский дом.

...Помню к широкой ладони доверье,
Чуткие помню шаги,
И прояснялись кусты и деревья
Там, где не видно ни зги.

В трезвости тягостной, муке подспудной
Окна зажги впереди,
Руку подай мне во тьме этой трудной
И по тропе проведи!

* * *

И. А.

Все волновало: голос, и походка,
И сдержанный ее угрюмый пыл.
Конечно, дурочка, конечно, сумасбродка.
А мне-то что — ведь я ее любил!

Мне не забыть полета этих линий,
Густых волос, спускавшихся к ногам...
Недаром вновь, как ветер над пустыней,
Я несся к ней — к Азовским берегам.

Но был октябрь... Меня уже не ждали.
И с моря дуло холодно и зло.
И слушал я, как волны рокотали,
И по песку какой-то сор несло.

А все-таки она была такою
И навсегда останется такой:
Под майским ветром, под моей рукою
Немногословной, вздорной, молодой.

Ночью

Проснешься, бывает:
И ветер стучится в окно —
И вдруг наплывает
Минувшее в жизни давно.

Забытые лица
Встают на холодном стекле...
Иль все это снится,
А ты и не жил на земле?

Но все о разлуке,
О плачущих липах впотьмах —
Морозные звуки
Свистящего ветра в ветвях.

Сквозь слабые веки,
Сквозь смутную муку в ночи,
Ушедший навеки,
В пустые жилища стучи

И без утоленья
Тянись неизбывной виной
Во мгле сожаленья
К непрожитой жизни иной.

Серебряный Бор

Здесь негде приткнуться — забита поляна,
куда ты ни плюнь — загорают тела,
и в воздухе вялом мученье волана,
и мечется шарик над сеткой стола.

За рубль нажитой поновой раскладушку
подвыпивший выдаст хозяин хромой.
а к вечеру можно заклеить подружку,
в кабак повезти и резвиться — домой.

Здесь платные дамы и девочки-бляди,
дельцы и каталы, фарца и сынки,
порой друг на друга с прикидкой глядя,
вальяжно-лениво лежат у реки.

«Сегодня, малышка, до ночи гуляем,
сегодня танцуем, кайфуем, торчим,
шампанское льем и оркестру башляем,
а после устроим дряхлеющий Рим...»

У твердых ворот, у высоких заборов,
скрывающих крупные особняки,
где тянут в бреду склеротических споров
застрявшую баржу свою старики,

под чопорный просвист несущихся «Чаек»,
которым вослед козыряют менты,
высоким глаголом не ожесточай их,
веселой и зыбкой не рушь пустоты.

Что было — не помню, что будет — не знаю,
лишь солнце над пляжем палит все сильней,
и хрипкое льется от края до края:
«Поручик Голицын, седлайте коней!»

В палате

Вон оно... Не уклониться.
С этой маленькой больницей
ты уже знаком:
тряпки, банки и объедки
и нечистый запах едкий;
небо за окном.

Сон бы, что ли, взял на время,
уронил в забвенье бремя,
хорошо во сне —
там еще забрезжит что-то,
вспыхнет из-за поворота,
промелькнет в окне.

А когда приходят дети,
ерзают на табурете,
торопясь уйти, —
смотришь, словно издалека,
не находишь в слове прока
и вздыхаешь одиноко —
Господи, прости!

...Боль ли памятью пылает,
потолок ли уплывает —
полуночный бред,
над тобой, над жизнью целой,
над душой омертвелой,
что ни делай, — лампы белой
тусклый, бледный свет.

Кавказ

Мужали вы там, где парят орлы,
и к жизни гибельных сражений
вас проповедь вела Кази-Муллы
и Шамиля холодный, хмурый гений.

Когда одни в сплошном кольце солдат
они обнялись у мечети,
вам не было уже пути назад,
Аллаха праведные дети.

Но вел полки имперский барабан
и заглушал мелодию намаза...
Теперь здесь честно выполняют план
по сдаче шерсти, молока и мяса.

Живет народ. Чего еще желать?
К чему тоской будить воспоминанья?
Забытую заменит благодать
подъем широкий благосостоянья.

Но видится среди обжитых скал,
общественных столовых и ликбезов,
как Лермонтов невольный здесь скакал
и шайку вел своих головорезов.

Иль, с богом и людьми утратив связь
и мертвой скукою задеты,
чтоб села жгли и в небо кровь лилась,
хотите вы, безумные поэты?

Иль красота всего дороже вам
и не страшит жестокость полководца,
и, жизнь живую жертвуя словам,
ужели сердце вдруг не ужаснется?

В грядущий век не веря золотой
и в преданности небо убеждая,
рискуете тяжелою землей,
иное царство утверждая.

Пустыня

«...а он удалялся в пустынные места
и молился».

От битв минувших здесь, от здесь истлевших хижин
остался ветер лишь, не знающий дорог,
немее здесь язык и человек унижен,
зато ясней звезда и внятней сердцу бог.

Недаром, замерев и прах земной отбросив,
зажав песок в горсти, так что она кровит,
здесь Авраам внимал, здесь вопрошал Иосиф
и пел свои псалмы в изгнании Давид.

Здесь в неурочный час в предчувствии могилы,
оставив ждать у стен безумных и калек,
молитвой укреплял скудеющие силы
один среди песков — не бог, не человек.

Лето

Под стволом березовым, взгляни-ка,
Спелая мелькнула земляника,
Красной каплей в зелени у ног,
Вон еще... А если наклониться,
Станет и двоиться, и троиться,—
Собирай на тонкий стебелек.

Ты светла, юна, длинноволоса,
Рядом небольшое поле проса
Шевелится зеленью густой,
А кругом просторная поляна.
Как под легким ветром ты желанна!
Погоди же, лакомка, постой!

На губах растаявшие годы.
В это утро ветреной свободы
Снова с прежним пылом я влеком,
Снова вижу, сердце надрывая,
Как ты, кустик маленький срывая,
Землянику ловишь языком.

Колумб

Снова дразнит заря, догорая,
И парят паруса на ветру,
В эти дали пустые без края
Я опять поплыву поутру.

Не пойму, чем близка непогода,
Разметавшая пряди твои,
Чем суровая эта свобода
Мне дороже тепла и любви.

Это вас увлекает химера,
Будто там, за морями, земля, —
Мне нужны только воля и вера
Устремленного вдаль корабля.

Знаю я — ничего не воротишь,
Только б не обернуться назад,
Не увидеть, как трудно уходишь,
Не услышать, как туфли стучат.

Ничего не изменится в мире,
Не изменится в жизни уже,
Только станет просторней и шире
В пережившей надежду душе.

Цитадель

Разгневанный сюда явился Рим,
Но день за днем стоял изнеможенный,
Жестоким солнцем тягостно палим,
Прекрасный в прошлом, город осажденный.

Хоть их на гибель небо обрекло,
Час наставал — они молились,
Но жажда жгла, и все сильнее пекло,
И взоры пеленой заволокло,
И раны темные гноились.

Вначале крыс ловили, а потом
Уже ремней сандалий не хватало:
Ребенок плакал вздутым животом,
И старец шамкал пересохшим ртом,
Уже купечество роптало.

Бессильные сожрать свое добро,
Они ногой пинали серебро
И золото бросали и бесились...
И вот, когда неслышные крыла
На спящий город опустила мгла,
Тяжелые ворота отворились.

И как по склонам катится обвал,
Как шторм несет за темным валом вал,
Как сносит всё вода, прорвав запруду,
Как буйволов проносятся стада,
Легионеры хлынули туда,
Свирепствуя и сея ужас всюду.

Бой вспыхивал во мраке все лютей,
И матери над трупами детей,
Одежду разрывая, голосили;
Отец смотрел, отчаяньем объят,
Как извивалась дочь в руках солдат;
И раненые их добить просили.

Зловоние стояло над землей.
Безумный пел и мазался золой,
И участь пленных на кресте решалась;
И все дрожало в прахе и пыли,
И все дышало немощью земли...
Но цитадель еще держалась!

Не знаю точно, сколько было их,
В жестокой мгле оставшихся в живых,
Оружия доселе не сложивших;
Со всех сторон окружены уже,
Рубились на последнем рубеже,
Как призраки восставшие погибших.

Как для клинка замороженный сплав,
Скалой застыв, стояли, зубы сжав,
Атаку за атакой отражая,
И, падая, еще пытались встать,
В последний раз сжимая рукоять,
Бессмысленным упорством поражая.

Прошло три дня... И цитадель зажгли.
Я вижу это зарево вдали.
О, как они в огне о славе пели!..
И ты, душа, терпящая года,
Будь так же непреклонна и тверда,
Как неприступный остров цитадели.

Ливень

Вначале ширится и длится
Среди листвы неясный звук,
В единый миг преобразится
И разразится ливнем вдруг.

Дрожит и дышит воздух влажный,
Мелькают капли в полумгле,
И нарастает гул протяжный
По пробудившейся земле.

Так ропщут струи в тусклом свете
С бессильно бьющейся листвой,
Словно томление столетий
Вложили в этот стон живой.

* * *

Я много прошел и, наверно,
Уже никуда не пойду.
Повесь мне в окошке, таверна,
Мою голубую звезду.

Налей мне пивка золотого,
И я позабуду навек
Соленые брызги, и слово,
И времени дальнего бег.

Пусть крутит бродяга шарманку,
Ему я налить попрошу,
Сманю у него обезьянку,
За ушком у ней почешу.

И в доброй и теплой дремоте,
В табачном дыму вечеров
Оставлю мечты о полете,
О море, о тайне миров.

Прогулка с обезьяной

Мороз и солнце! День чудесный!

А. С. Пушкин

Мы с тобой сегодня встанем рано.
Сколько можно спать?
Дай мне руку, чудо-обезьяна,
И пойдем гулять.

Посмотри — сугробы-великаны
Намело кругом,
Ярким светом залиты поляны.
Ну, давай, бегом!

Веселись вприсядку и вприпрыжку,
Рядом семени,
Рожи строй, напоминай мальчишку,
За руку тяни.

Пой, резвись, ищи кругом забаву,
Шубкою мелькай
И в большую снежную канаву
Лапками толкай.

С ветки снег, смеясь, сбивай пушистый
И спеши назад,
Разливай повсюду свой лучистый,
Карий, детский взгляд.

Посмотрю — и сердце тает льдинкой...
Смейся и свети!
Мне ведь скоро этой же тропинкой
Одному идти.

Тверской бульвар

1

Зажжется ли Медведица Большая
В просторном небе

ясно, высоко,
Или в осеннем институтском сквере
Листву роняют липы на дорожки,
И мне под ними горько и тревожно
О времени минувшем вспоминать,
Все думаю — что сделалось со мной,
Что я теперь и как мне длиться дальше.

Вот он, бульвар, свидетель давних лет!
Не так уже я по нему ступаю:
Все мимо,

мельком все
и все насквозь,
Словно влеком какой-то дальней целью,
А цели-то и нет.

Уже не вижу я
Притихших за доскою шахматистов,
Качающих коляски матерей
И годы доживающих старушек.
Один урод с большою головой
Окурки собирает у скамейки,
Неясное под нос себе шепча
И дальнему чему-то улыбаясь...
И вдруг в упор печально и глубоко
Словно с укором смотрит на меня...

Помилуй, боже! — что это за взгляд!
В чем виноват?

Ах, это сам я должен
Вот так бродить под этим светлым небом,
Беспечный и свободный, и блаженно
Проходим улыбаться и кустам
И что-то там свое себе шептать,
О мнении людей не помышляя,
Заветной мыслью тайно осенен,
Чем в ступе будней сердце истолочь
И пылью по ветру пустить надежду
И разум, ложной жизнью раздраженный,
Забить заботой, задушить нуждой,
Сгореть дотла в дурацкой толкотне
От тренья толков.

Так метеорит,
Привыкший к безвоздушному пространству
И в атмосферу плотную войдя,
Сгорает без следа

иль до Земли

Доносит уцелевшие останки.
Зачем я выжил, сердцем заплатив
За смену суток, смену лет и зим,
Которых я почти не замечаю?
Что жить должно — умолкло за спиной,
А что осталось — недостойно жизни.

2

Здесь и она когда-то проходила
В своем осеннем стареньком пальто,
Восточными глазами поводила,
Играла мной и мучила меня.
Напротив института на скамейке
Я книгу открывал и безнадежно
Смотрел в слова, не понимая смысла,—

Я только ждал, когда она пройдет
Походкой неуклюжей, угловатой,
Раскачивая маятником тело,
К троллейбусной привычной остановке,
Туда, где в неустойчивости общежитья
Разбросаны листки с ее стихами,
Где плакала она о бабьей доле,
Которой я так люто сострадал.

Ее я иногда сейчас встречаю,
Заметно постаревшую, и тяжело
Произносить казенные слова
И чувствовать (нет, просто сознавать!),
Что ничего в душе не шелохнется.

Прутик

Тане

Вновь ни о чем не прошу я,
прутик со мною в пути —
им по сугробу большую
можно черту провести,

с ветки нахмуренной ели
снежную шапку стряхнуть
или стрелой без цели
в снег у дороги воткнуть.

Если оставит забота,
если тоска улетит,
если хорошее что-то
сердце твое ощутит,

можно опять улыбнуться,
бодро и прямо шагать,
в дальнее детство вернуться,
прутиком легким махать.

Прибой

Ветер с моря,
и губы в шелковице,
и одесских акаций стручки,
и со скал замечательно ловятся
на креветки большие бычки.

Через годы угрюмые, грузные
снова вижу, как чайки летят,
как початки несут кукурузные
и «Горячая пшенка!» кричат.

Отдаленные классы начальные,
и счастливый простор голубой,
и гудки пароходные дальние,
и ликующий жизнью прибой!

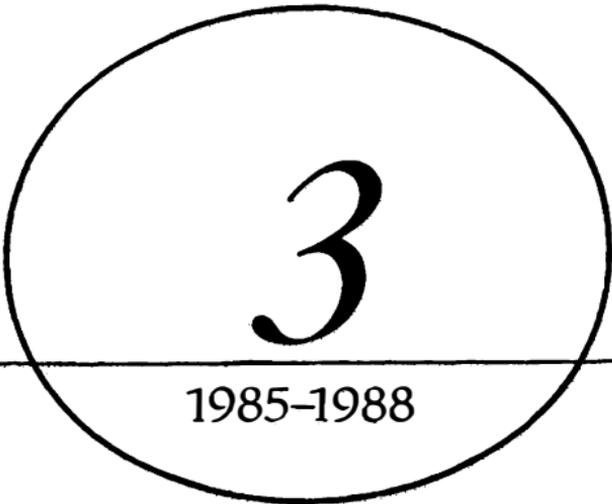
Вы, как прежде, меня увлекаете,
лучезарно плеща сквозь года,
воскресая в слабеющей памяти,
чтоб исчезнуть, уже навсегда.

* * *

Подошел ко мне, хвостом виляя,
руку мне лизнул,
рядом лег и, тяжело вздыхая,
наконец уснул.

И смотрю я с нежностью глубокой
на твои черты,
на равнине снежной и широкой
только я и ты.

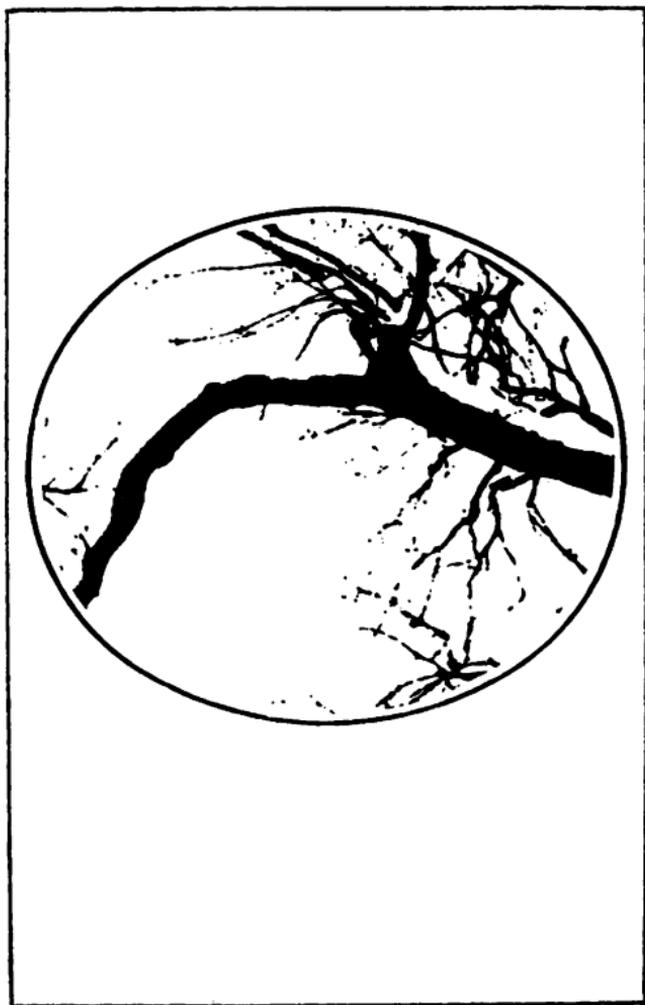
Будь со мной, покуда длится вьюга,
преданно дыши,
это все, что могут друг для друга
две живых души.

3

1985-1988

Лестница

Эту осень, Цетлин Моисей,
не напрасно ты так долго ждешь,
снова юный по России всей
напоследок словом побредешь.

Ты пришел сюда издалека
через пепел, через пыль и кровь,
чтобыплыли сквозь тебя века,
воскресая в сердце вновь и вновь.

Посреди заснеженной страны
на стеклянной остановке стынь,
слушай, как Вергилий у волны
льет высокомерную латынь.

Наблюдай дряхлеющий режим,
промысла приветствуй торжество,
говори: «Господь непостижим!
Что поймешь в деяниях его?»

Тяжкий просыпайся по утрам,
злую лямку старости тyani,
во второй неразрушимый храм
направляй отеки ступни.

Ночью долго лампу не туши,
шевели губами над столом,
пусть из тьмы мятущейся души
стройный поднимается псалом.

От юдоли зов неутолим
к легким путеводным облакам,
и пылает куст, неопалим,
и гуляет ветер по пескам.

Запоздалый близится тираж.
Сетуй на судьбу и славь Творца,
поднимаясь на шестой этаж
лестницей, которой нет конца.

На смерть друга

Под лязг станков неумолкаемый
сперва ты маялся, смурной,
всю смену, злой и неприкаянный,
не мог дожидаться проходной.

Но все начертано заранее:
женился, вкалывал, лысел,
исправно выполнял задание,
на стенде карточкой висел.

Немного принимал по праздникам,
«козла» у дома забивал,
возился с сыном-безобразником
и за «Спартак» переживал.

Лишь изредка, раз в два-три месяца,
крушил добро и бил жену,
рыдал, ревел, грозил повеситься,
пил горькую и шел ко дну.

Теперь лежишь угомонившийся,
уткнувши подбородок в грудь,
лицом заметно изменившийся,
как все мы ляжем как-нибудь.

А люди странные, опрятные,
кивая скорбной головой,
сказали речи непонятные
про славный подвиг трудовой.

Мальшка

Гуляла с любимой собачкой,
читала стихи в забытьи...
Дареной помадою пачкай
привычные губы свои.

Беги со скандалом из дому
в орущий оркестром кабак,
строй глазки катале крутому,
прихлебывай вяло коньяк.

Ломайся в мелодии тряской,
упрямой мотай головой
и прячь за бордовой повязкой
весь в точках изгиб локтевой.

А утром ищи свою руку
в тумане чужих простыней...
Несись по порочному кругу,
не помня мелькающих дней.

С какую тяжелой досадой
беспомощный рядом стою;
шутя над собою с бравадой,
кривляйся и смейся — и падай
на темную душу мою.

Неужто напрасны усилья
и, ветром гонимы тугим,
одним — откровенье и крылья,
порок и паденье другим?

**И всё под пятою закона
в оковах начертанных дней,
и прав был епископ Гиппона
в немыслимой мысли своей?**

Баллада

Мысли плавилась, словно воск,
зноем воспалены,
и пыткой стучал монотонно в мозг
плеск соленой волны.

Меж высохших десен язык распух,
не помолиться им,
и только измученный реял дух
над морем, страхом гоним.

Но вздрогнул кто-то и, белый как мел,
губами едва шевеля,
руку вытянул и просипел
что-то вроде «Земля».

И вот наконец она под ногой...
Еще бы воды глоток!
Но куда ни глянь — только сушь и зной,
до горизонта песок.

Они совсем немного прошли
напрасно и тяжело,
и скоро в желтой, лживой пыли
солнце их всех сожгло.

И в угасающий мозг стучал
волн бессмысленный плеск...
И пуговиц металлический блеск
ящериц привлекал.

Так мы, скитаясь в зыбях земли,
в качке душных кают,
рисуем зеленый остров вдали,
душе усталой приют.

И всё одно — кто прав и неправ,
за муки все и труды
мечтаем о свежей прохладе трав,
о чистой трели воды.

Мой дух, кумира не сотвори,
надежду отбрось и страх,
равно над водой и землей пари,
ты странник во всех мирах!

* * *

Как странно все перегорело,
переболело, улеглось...
Но эхо дальнего расстрела
тоской во мне отозвалось.

Еще не стихли в залах споры —
воюй, борись или терпи,
но вот уж щелкают затворы,
несутся кони по степи.

И на заре стучат наганом
в настороженное окно;
и все единым ураганом
и смешано, и сметено.

За душной мглой тифозных коек,
за скрипами кулачьих жил —
колючий грохот новостроек
и разрушать глубокий пыл.

И это длинное, слепое
в заботах, дрязгах и тоске,
трясущееся от запоя
и строящее на песке.

В веках доселе мрак со светом
так не сходились на земле,
мне в этот праздник с винегретом
не весело в ноябрьской мгле.

И тошно мне от жизни сытой,
и в ночь уносит жесткий снег;
в моей душе лежит убитый,
любимый кем-то человек.

Март

Осталось мало дней.

И ветер за калиткой
пронзительно зовет в забытые края.
Клади, вооружась иголкой и ниткой,
на музыку мечты всю муку бытия.

Шарманку заводи своих перечислений
в попытке все связать — от свечки до светил,
так некогда творец разрозненность явлений
направил волей вдаль и замыслом пронзил.

Вновь ранняя весна разлила воздух влажный,
и оседает снег, чернея у дорог,
так остро жизни жаль, и жалок сор бумажный,
и хочется бежать куда-то за порог.

Там бор шумит, зовя и сердце надрывая...
То цокот ли копыт на стыке двух эпох?
В тревожной ли Москве морозный звон трамвая?
Иль шепот в темноте и чей-то слабый вздох?

Какой-то дальний свет трепещет занавеской,
и хвоей дышит в дом, и тянет все сильнее
туда, где теплый дождь стучится в окна детской,
и слушать этот шум осталось мало дней.

Работал он не покладая рук,
смотрел в высокие светила,
когда коса, косящая вокруг,
его случайно обходила.

Он понимал — не вправе рисковать
тем, что в душе мело и бормотало,
но нервы стали по ночам сдавать,
и совесть горькое шептала.

Как он по крестной муке тосковал!
Как в лес бежал шагами молодыми!
(Так бледный Гамлет гибели искал,
чтоб недеянья искупить гордыню.)

Бог милостив — он подарил ему
последнее, нестрашное мученье,
и он сошел уверенно во тьму
с глубоким вздохом облегченья.

Медресе

В продолжительный зной за тяжелой стеной
здесь прохладно от каменных плит.

Снова вижу — учитель стоит предо мной
и в смущенную душу глядит.

Узловатые пальцы считают века
на суровой бечевке судьбы,
и уже навсегда бронзовеет щека
над угрюмым изгибом губы.

Беспокойного юношу помнишь, мечеть,
как он бился в духовной борьбе,
как не мог он дышать, и не мог умереть,
и исхода не видел себе.

Как слепая томилась душа в кандалах,
к небу вопль поднимая немой,
как неслышную муку услышал Аллах
и направил дорогой прямой.

С той поры перед небом смиренна душа,—
перед грубой толпою горда,
и решительна воля, как взмах палаша,
и упрямая поступь тверда.

Ибо, помню, качался и падал Париж,
как подточенный гнилью кабак,

и сидел я один, как в пустыне дервиш,
в исступленья поющий: «Я — хаак!»¹

Я тогда постигал, как Аллах всемогущ
и как меч его меток и лют,
нам не надо ни рая строительных куш,
ни геенны свободных валют.

Как в зыбучих песках, узок путь испокон:
слева ересь, а справа порок,—
но горит маяком путеводным закон,
и зовет под знамена пророк.

Мы суровые дети иной доброты,
но покуда огонь не потух —
или сытая плоть до могильной плиты,
или смерть попирающий дух.

Оттрепещут мятежные страсти знамен,
навсегда успокоятся все,
над золой революций, над пылью времен
ты останешься, мой медресе.

---

¹ «Я — хаак!» — О, истина!

Игрок

Он плутовал всю жизнь: то руку перевяжет,
то ногу волочит, то голова в бинтах,
а истинной игры и трети не покажет;
поди-ка разберись во всех его винтах!

На этот раз решил он притвориться старым,
ему не привыкать разыгрывать шута —
подолгу трет очки, ворчит перед ударом
и ковыляет час вдоль длинного борта.

Но странные дела творятся в этом мире!
Вдруг видит — одряхлев, жена лежит больна,
неряшливо в делах, не убрано в квартире,
и с внуком на руках осталась дочь одна.

Ступенек пять пройдешь — и вот уже одышка,
и слабость по утрам, и колется в боку...
Не веселит коньяк, не радует сберкнижка,
и трудно засыпать под смутную тоску.

* * *

Весной, бывало, ветер встречный
из ранней дали набегал,
и я идею жизни вечной
душой и телом постигал.

Но поубавил много пыла
однообразный летний зной,
потом и осень наступила,
дыша безвольной тишиной.

Зимы бесстрастные морозы,
сомнений посвист ледяной...
А вот ответ на все вопросы —
твой взгляд любимый и родной.

Легко вздохнешь, усевшись в кресло,
рубашку чинишь малыша...
Не может быть, чтобы исчезла
твоя прекрасная душа!

* * *

Приятен утром путь прохладный и недлинный,
в пакете свежий хлеб, и сыр, и молоко;
просторный, бодрый свет и запах тополиный,
и хорошо идти, и дышится легко!

Сиделкой ли ночной, уборщицей в больнице,
открывшей новый мир,— не все ли ей равно,
когда в иную жизнь распахнута страница,
как в майскую листву распахнуто окно.

Когда она идет, палаты протирает
и на больных глядит, жалея, как детей,
все кажется, что смерть невольно отступает
от маленьких ее обломанных ногтей.

Не брезгуя вдыхай тяжелый запах плоти,
сгибайся и пари, сияя и скребя,
чтоб всю себя избыть в возвышенной заботе,
в заветную мечту всю испарить себя.

* * *

...стану из мечтами, стану бестелесным...

Бунин

Наклонится ли дерево к пруду,
льется дождик иль птицы летят,—
я как будто встречаю повсюду
твой суровый и пристальный взгляд.

Ведь в прозреньях своих и порывах
ты всех тверже любил и лютей
эту землю в слезах молчаливых
в неизбежном прощании с ней.

Вот и нынче все ближе и ближе
снова вижу твой ворот прямой
в разоренной Одессе, в Париже,
на чужом побережье зимой.

Тяжело постигать провиденье
там, где темное море шумит,
и широкое недоуменье
немотой одинокой щемит.

Где уже не тревожат вопросы
и не борется сердце с тоской,
только чьи-то далекие косы
тихо трогает ветер морской.

Скучно шахтеру бродить среди пальм и акаций,
нечем ему, хоть убей, скудное утро занять —
море еще не прогрелось, и пусто на пляже,
и до сезона закрыт даже газетный киоск, —
северный ветер, неразговорчивый спутник,
сопровождает в бедной прогулке его.

Время не хочет идти...

Белые сброшены в море.
Явных и тайных врагов кости лежат в мерзлоте.
Кровью немыслимых лет флаг водружен над Берлином.
Чудо-заводы гудят, и вся перепахана степь.
Что же поделаться ему? Еще далеко до обеда.
Снова, что ли, идти кольца на доску бросать?

Долго летят и летят в воздухе красные кольца,
гулко о доску стучат, шлепаются на асфальт...
Черт бы побрал этот год! Эти законы-указы.
Винный в округе запас из магазинов изъят.

Снова понуро бредет он на оставленный берег,
долго стоит и глядит, хмуро прищурившись, вдаль...
Северный ветер гуляет по пляжам безлюдным.
Однообразно плеща, Черное море шумит.

* * *

Средь вечеряющих дорожек,
когда сгуститься тьма спешит,
порой в сторонке глупый ежик
в траве проворно прошуршит.

На звук живой два шага сделай,
всмотришься получше — вот и он,
трепещущий комочек серый,
застыл, притих, насторожен.

Прости мне мир, мои стенанья
и дни слепые — в этот миг
благодарю существованье
и не жалею, что возник.

Когда он в иглы брюшко прячет,
вся жизнь моя, склонясь над ним,
опять смеется, любит, плачет
над смертным всем, над всем живым.

* * *

Сухие травы Крыма,
И очертанья гор,
И вдаль необозримо
Синеющий простор.

И нет рубахи потной,
И нет усталых ног,
А только перелетный
Прохладный ветерок.

Забыть себя и годы,
Припомнить только путь
И с радостью свободы
В пространстве утонуть!

Полустанок

Какое уродство, однако:
платформа под мелким дождем,
в залысинах грязных собака,
старуха с отекившим лицом.

Тяжелые, толстые ноги...
Зачем ей куда-то идти
и этот рюкзак одинокий,
как крест свой последний, нести?

Собака глядит на старуху
и молча садится у ног,
та хлеба достала краюху,
ломает, бросает кусок.

И шамкает мокрая сука
и радостно машет хвостом...
Платформа, собака, старуха
и ангел под мелким дождем.

* * *

Все встречаешь с праздничной отрадой:
и людей, и книги, и дела,
словно вечной пионервожатой
ты по жизни в галстуке прошла.

Только годы умирят души,
и твоя веселость улеглась,
стал высокий, звонкий голос глуше,
и усталость прячется у глаз...

Ты теперь не так уже задорна,
грубых будней бег тебя загнал,
но звучит мне утреннего горна
над рассветным лагерем сигнал.

И призывней трелей кущи райской
он трубит и плачет о весне,
где вприпрыжку по тропинке майской —
вся улыбка — ты бежишь ко мне.

* * *

Мелькнет река в окне вагонном
в июньской ясной синеве,
и по ее прибрежным склонам
тропинки узкие в траве,

и теплая стена сарая
в крапиве вся и лопухах,
и вздрогнет сердце, замирая,
и пожалеет впопыхах,

что этой утренней дорожкой
мальчишкой в школу не спешил,
к любимой не стучал в окошко,
с хорошим парнем не дружил,

что этот камень у забора,
кому-то близкий с детских лет,
уж позади растает скоро,
и не вздохнет никто вослед,

что уж иное вдаль несется,
и горек встречный ветерок,
и за спиною остается
родной кому-то уголок...

* * *

Ах, вам, наверное, незнакомо,
какая это благодать,
как после пленума обкома
паркú приятно наподдать.

И, развалившись в финском кресле,
бесплотный ощутить покой,
и вовсе рай короткий, если
икра и пиво под рукой.

Но и в предбаннике, потея,
порой кольнет подспудный страх,
пока еще гудит идея
на убывающих парах.

Пока грядет, как Кир на Креза,
князьям зарвавшимся грозя,
та изначальная аскеза,
самозабвения стезя.

Она тебя еще достанет
в махровых мягких простынях
и по ночам являться станет
в кожанке черной в душных снах.

Она тебя загонит в угол,
на ранний отдых обречет,
чтоб ты внучат своих баюкал
и пост в Москве не брал в расчет.

Но не затем ли реки крови
текли в карающий барак,
чтоб ты, блаженно вскинув брови,
вздыхал, распаренный как рак?

Но не затем ли путь героя
лежал меж каторжных трясин,
чтоб в бане с пивом и икрою
сидел Петров, бедняцкий сын?

Незакатно солнце Ким Ир Сена,
вечный день стоит в его стране,
а кому-то дружеского плена
только мерзлый ад за сменой смена,
долгий стон в таежной стороне.

Утренней побудки голос резкий —
и корейцев выстроено отряд,
и деревья в ближнем перелеске
на ветру вздыхают и скрипят.

Что ж, опять на стуже до отбоя
черный пот и птичьи голоса,
и горит лицо твоё рябое,
и слезятся узкие глаза...

На товарняках и на попутках,
в кузове завернутый в брезент,
в кратких снах пронзительных и жутких
ты бежишь в мерцающий Ташкент.

Там тебя сородичи согреют
и припрячут, а придет пора —
аккуратно карточку приклеят
в паспорте умершего вчера.

А пока в сугробах по колено
по стране крадешься, словно вор,
от большого солнца Ким Ир Сена
отвращая недостойный взор.

* * *

«...но ты мне, улица родная,
и в непогоду дорога».

Весна на улице Заречной,
и влагой тянет от земли,
но годы жизни быстротечной
тебя далеко унесли.

Немногое, казалось, нужно:
лишь правде сердце отворить,
работать весело и дружно,
простую девушку любить.

И на весеннем солнцепеке
бежать, разбрызгивая грязь,
весь горизонт обнять широкий
и что-то ей кричать, смеясь.

Послушным сыном поколенья
месить цемент и плавить сталь
и, дни листая без сомненья,
смотреть в осмысленную даль.

Зачем ты предал пятилетку
и за собою сжег мосты?..
Как шарик, брошенный в рулетку,
по скользким числам скачешь ты.

Где нет удачи без несчастий,
в мельканье призрачных нажив
всю жизнь от масти и до масти
ты пашешь, шею обнажив.

В чаду развязных вечеринок
уже противно есть и пить,
где дни рождений от поминок
уже ничем не отличить.

И только в тишине озерной
над отрешенным поплавком
всей жизни смазанной, позорной
порой подкатит к горлу ком.

И над водой исповедальной
к добру потянешься навзрыд,
но только песни голос дальний
печалью сердце озарит.

Лишь льется с ленты в час утешный
все, что узнать не удалось,
все, что в судьбе твоей поспешной
не совершилось, не сбылось.

* * *

Бескорыстья горестный взгляд
с укоризной смотрит вослед,
и тревожно листья летят
к устью уплывающих лет.

Ветер мне уснуть не дает:
дует, причитает, сквозит.
Прошлого ли песню поет?
Карой ли грядущей грозит?

Выйду на простор за порог,
чтобы вдаль идти за добром,
но не видно прежних дорог,
только грязь и листья кругом.
Поднимает ветер мятеж,
птицы начинают галдеж,
вздрогнешь — небо юности где ж? —
затянуло все — не найдешь.

Позади качается дом,
впереди качается лес...
Приближался к городу гром
предостереженьем небес.

Там стоял у них пир горой,
женский визг звучал, пьяный бред...
Тяжело покрытые тьмой,
что же вы не ищите свет?

Пахомий

За днями дни в своем пустынном доме,
скорбя и призывая благодать,
тринадцать лет терзается Пахомий,
не в силах с блудной бранью совладать.

Непрочен день, и кельи зыбки стены,
мятется дух, и в мир зовет порог,
и сдался он — и у норы гиены
в надежде смерть найти смиренно лег.

И к вечеру гиены подступали
к Пахомию, простертому в пыли,
обнюхали всего и облизали,
но, не коснувшись плоти, отошли.

И снова в келью, прославляя чудо,
вернулся авва, как желал Господь;
но дни идут, и снова демон блуда
еще лютее распаляет плоть.

Он гонит сон мятежными ночами,
видений жаром наполняя скит, —
вот эфиопка с чудными очами
ему во мраке что-то говорит.

Он знал ее в оставленной юдоли —
как для корзины гибкая лоза,
она солону собирала в поле
и, улыбаясь, прятала глаза.

И вот теперь не ведает Пахомий,
он пал или от зла на волоске,
и стонет в исступленье и истоме
и бьет в сердца виденье по щеке.

Три года источала смрад тяжелый
его рука и жег жестокий срам,
и вновь бежит, потупив очи долу,
Пахомий по пылающим пескам.

И внял Господь его борьбе суровой
и усмирил его терзавший пыл
и дни его во имя жизни новой
небесной благодатью осенил.

Сергиев Посад

О. Дмитрию

Повсюду снег на сильном солнце тает,
и литься яркий свет благоволит,
и все течёт, и каплет, и сверкает,
как будто март по всей земле разлит.

Полуденное небо голубое,
и золотые в небе купола...
Чего еще ты хочешь, бог с тобою,
куда тебя лихая завела?!

Спешат ли прихожане спозаранку,
или к обедне колокол звонит,
старушка ли несет домой буханку
и в валенках по тропке семенит,

проходят ли степенные монахи
и рясы развевают на ходу,
или на солнце у сугроба птахи
в весеннюю играют чехарду,—

отрадно знать сквозь зыбкую усталость,
что ты уже всему земному друг,
что все прошло, одна любовь осталась,
и белый снег, искрящийся вокруг.

* * *

Все уже как будто устоялось,
и в Европе пушки не палят,
только отчужденье и усталость
сердце генерала тяжелят.

В старом кабинете одиноко,
он смежает веки от тоски...
Вспоминай мятежного Марокко
желтые пески.

Где в такие краткие восходы
солнце вырастает из земли,
словно миражи в пустыне, годы
лучшие прошли.

Скоро и тебе идти ложиться
отдыхать от дней в земле сырой,
чтоб уже навеки причаститься
братству под горой.

Пусть плывет молитва после бури
посреди застывшей тишины
там, где Франко или Ибаррури —
перед вечным светом все равны,

над землей шахтеров астурийских,
над Гренадой, кровью залитой,
над полями ужасов российских,
над твоей плитой.

С крестом отпущенным не споря,
через гнетущую пургу
он все-таки дошел до моря,
прилег на теплом берегу.

Он избежал случайно «вышки»,
он долго мерз в земле чужой,
где равнодушно в небе вышки
стоят над мутною душой,

где держит пальцы на затворе —
чуть что — скучающий конвой...
А все же он дошел до моря,
лег у волны береговой

и руки разбросал, вдыхая
соленый, вольный ветерок,
и пена белая, морская
поет ему, что кончен срок.

И, лишь глаза закрыв, во мраке,
уже над ним утратив власть,
еще вдали плывут бараки,
еще мерещится санчасть,

еще он дремлет в коридоре
и видит солнышко в Крыму...
А все же он дошел до моря
и улыбается ему.

* * *

Мне б только слышать этот снег скрипящий
и вдаль идти, не помня ничего,
и с этой чистой отрешенной чащей
с отрадой строгой чувствовать родство.

Мне б только черных сучьев очертанья
встречать на склоне пасмурного дня,
когда несет все дальше бормотанье
и вечный звук, пронзающий меня.

В блаженный час земной мечты не жалко —
одену душу в добрую броню
и жизни дни, как длинную считалку,
закрыв глаза, усердно пробубню.

* * *

Н. Г.

Так много дней утекло в песок,
жажды не утоля,
мы шли на запад и на восток,—
где ты, наша земля?

Нас в пенных реках несли плоты
по мшистым ущельям гор,
звери глядели из темноты
на наш походный костер.

Гладили волосы мы подруг,
горький дарили пыл,
но только песни щемящий звук
сердцу отраден был.

И снова плотный парус летел
с плеском в густую синь,
и снова звездный ветер свистел
в зыбких песках пустынь.

Мы взор обращали к иным мирам
усталой своей душой,
с надеждой вступали мы в каждый храм,
величественный и чужой.

И пусть порой нам являлся бог
тихим осенним днем,

скоро в привычной тоске дорог
мы забывали о нем.

Но пусть мы земли не смогли найти
и что там, в его раю,
все-таки лучшая жизнь — в пути
и лучшая смерть — в бою.

2

Светозарно утро над заливом,
в сердце дышит холодок морской,
и уже не будешь ты счастливым
у всемирной свалки городской,

где, ругаясь, грузят сельди в бочках,
где толпой заплеван тротуар,
где проходят дяди в котелочках
и считают завтрашний навар.

3

Одинокий, жесткий, некрасивый,
как любил ты все, что далеко:
седока над вспененною гривой,
очертанья южных берегов.

Но призывней жгучих Абиссиний,
глубже и загадочней, чем Нил,
необъятный этот купол синий
вечной беспредельностью манил.

Потому печали привкус горький
был в ветрах пустынных и степных,

молодой, угрюмый, дальноркий,
мой товарищ в странствиях земных.

4

Поздно. Тихо. Отойди к покою.
Тяготит неутоленный путь.
Здесь так много глины под рукою,
скуден дух, чтоб жизнь в нее вдохнуть.

Хмурый люд на улицы выходит,
мертвый враг косится на врага,
и число звериное выводит
темными порывами пурга.

Вечный отрок, что тебе приснится
под штыком усталым мужика?..
Тихо светят звездные ресницы,
и струится медленно река.

* * *

Полвека пронеслось, как будто ветер дунул,
хоть долго прозябал в тени и не у дел,
он многое видал и многое придумал,
заметно приуныл, изрядно поседел.

Но если ты нальешь и если он в ударе,
расскажет, чуть кивнув, чтоб ты полней налил,
как раз с Брижит Бардо кутили в южном баре
Амашукели, он и Кант Иммануил.

В гостиной у вдовы он в сумку прячет книги
и тут же говорит ей ряд весомых слов,
он сам двадцатый век в смещении религий,
в нагроможденье фраз и в шаткости основ.

В различных городах его взрослеют дети.
Всех юбиляров друг и зритель всех премьер,
он все свое возьмет, ликуя на банкете
«Пятнадцать лет кино Калмыцкой ССР».

Так выживали мы и сердцем коченели,
так старились легко, но знаю я один,
какая там тоска томится в тучном теле,
какой российский сон и европейский сплин.

Ведь как ты ни бодрись и совесть ни баюкай,
уж сумерки ползут и застыт твой Олимп,
и только ямб горит над мерзостью и скукой,
над бедной головой, как мученика нимб.

Закат

Солнечный круг золотой
над горизонтом горит,
чайка над синей водой
ясно и плавно парит.

Тополя длинная тень
дремлет на клумбе густой,
это кончается день,
жаркий, ленивый, пустой.

Видал я ветер вдали,
сердце на волю рвалось,
только устал от земли,
и ничего не сбылось.

Только парящий полет,
белый полет над водой
дразнит меня и поет
мне о мечте молодой.

* * *

Когда она выходит из волны,
сверкая гладкой кожей загорелой,
и все движенья резвы и полны
девичьей угловатости несмелой,
нет сил на это существо смотреть!
Ей лет пятнадцать — отвернусь, пожалуй.
И стыдно мне о юности жалеть
и с нежностью тянуться запоздалой...
Я в зыбких днях покуда не погиб
и до забав сомнительных не падоқ.
Но сдержанный бедра ее изгиб!
Но золотой пушок между лопаток!
Хочу мотнуть постылой головой
и, все забыв, в плену свободы краткой
плескаться с ней в волне береговой,
и хохотать, и целовать украдкой!

* * *

Вы долго махали руками,
вы спорили все горячей,
но те, кто стоял за станками,
не слышали ваших речей.

Вы долго, витийствуя, грызли,
ворча, октябристскую кость,
мешая высокие мысли
и мелкую зависть и злость.

Жужжала под сводами фраза
пчелой обличения зла,
меж тем как лихая зараза
уже по задворкам ползла.

А вы все боролись друг с другом,
пытаясь Россию спасти,
покуда расхристанным вьюгам
не дали страну занести.

Не вспыхнула истина в споре,
и правда поникла в борьбе,
и плещет мне Черное море
о каждой и общей судьбе.

Различные ваши идеи
в тома диссертаций вошли,
российские ваши Вандей
колхозным быльем поросли.

Н. Л.

Всё здесь дремлет — и разум, и совесть,
всё здесь в перхоти скуки седой,
и торговцы, к открытью готовясь,
поливают у лавок водой.

Но всплывет из тумана фелука,
ветер юности тронет рассвет,
и пронзит мое сердце разлука
через сотни и тысячи лет.

Тихо тунику ветер колышет,
синь такая, что больно взглянуть,
ожиданьем и радостью дышит
в благовониях легкая грудь.

Ты смотрела на волны, ты знала,
как я жду и тоскую века,
как призывно над гладью канала,
ускользая, плывут облака.

Ранним утром в летящей триере
воздух полною грудью вдохни,
золотою отвагою меряй
молодые, просторные дни!

Так у лавочки турка-урода,
утопая в курортной пыли,
всё мерещится жизнь и свобода
в ионической нежной дали.

Начдив

Над колючей щетиной Кремлевской стены
льется башенных звезд угасающий свет,
а над ними Вселенной холодные сны,
хоровод монотонный светил и планет.

Новый лозунг поднимет народ по стране,
и свободой насытятся все роковой,
или бледный диктатор на белом коне
проплывет по булыжной своей мостовой.

Но кончается повесть торжественных лет,
размывается почва привычных дорог,
и в обнимку застыли к скелету скелет
те, кто шел по пути и кто шел поперек.

Так проходят державы, свое отблостав,
умолкают трибуны, народ возбудив,
и забудется втоптаный в пол комсостав,
только ты будешь мчаться, уральский начдив.

Пусть на новой земле будут петь соловьи,
чью-то память далекой волной всколыхнет,
как, широкие крылья раскинув свои,
устремляется конница в вечный полет.

Пусть к надменно мерцающим дальним мирам
путь направит в безумии звездный штурвал,
и развеется боль, и разгладится шрам,
и забудется, кто и за что воевал.

Но последней походкою Гектор пройдет,
Андромаха застонет от смертной тоски,
захлебнется горячим свинцом пулемет,
и счастливая Анка обхватит виски!

* * *

Знаю, что приеду в этот город,
если стану стариком,
с поезда сойду — и к горлу ком,
расстегну постылый ворот...
От гостиницы пойду пешком,
а потом по набережной, дальше,
ноющею памятью влеком.

Пусть с Азова ветер донесет
все, что в нем когда-то растворилось,
знаю — ничего уж не спасет,
что-то надломилось,
только пусть он все же донесет...

А к тебе, прости, не постучу.
Как со старой встречусь я с тобой?
Просто постою и помолчу,
слушая прибой.

Мы не исключенье у земли,—
понимаешь все, а тяжело;
вот и мы здесь были и прошли,
и все наше было и прошло.

* * *

По залам прохожу лениво...

Ходасевич

На дни, поблекшие с годами,
на полустертые черты
преображающее пламя
ты посылал мне с высоты.

И жизнь, текущая лениво,
уже бежала от оков,
с весенним мужеством разлива
смывая рухлядь с берегов.

И мир, томивший скукой смертной,
звал неизбывной новизной,
лишь ты иглою милосердной
пронзал дремавший разум мой.

Будил меня нежданной встряской
и, оживляя, дух терзал,
и проводил с нею указкой
из зала в следующий зал.

★ ★ ★

Уже цветет сирень,
и пробует жасмин,
настанет новый день,
я буду не один.

Когда проходит дождь
и увлажняет сад,
такая в сердце дрожь,
как много лет назад.

А вечерами мгла
твоей руки нежней,
и память умерла
во имя новых дней.

Красный Буденный проскачет,
шашкой разя на скаку,
девочка в поле заплачет,
крикнет кукушка: «Ку-ку».

Лишь донесется с откоса
оклик щемящий берез,
скрипнут зубами колеса,
и полетит паровоз.

Смуглые, цепкие руки
лягут на жесткий рычаг,
и замелькают разлуки
с терпкою мукой в очах.

Кто там в тоске беспредельной
в неодолимой тайге
тянется к песне метельной,
воет и вторит пурге?

Что там в тумане маячит
на искаженном веку?
Девочка в поле заплачет,
крикнет кукушка: «Ку-ку».

Франциск

1

В одеянии нелепом
пронося свою суму,
он идет объятый небом,
тихо радуясь всему.

Этот камень на дороге,
этот кустик вдалеке —
все поет ему о Боге
на нездешнем языке.

Мир связующие нити
чутким взором он узрел,
и в дали своих наитий
нищим сердцем просветлел.

И над ним щебечут птицы,
обнимаясь с синевой,
и поют, что нет границы
между небом и землей.

2

Долго камни он таскает
для обители святой,
чистый пот с него стекает
над обтесанной плитой.

И стекаются к святому
к перекрестку трех дорог
кто из лавки, кто из дому —
все, кто в мире изнемог.

3

Проклятый отцом и братом
и осмеянный толпой,
он стоит перед закатом
невесомый, золотой.

О, как нежен в час закатный
среди дремлющих равнин
этот мягкий, благодатный
вечный воздух Апеннин.

Это ветра дуновенье
словно взмах издалека,
как Отца благословенья
милосердная рука.

Гамлет

Зачем Горацио-мудрец
в тебе добро с надеждой сеял?
В далекий край ушел отец,
и ветер плащ его развеял.

Сомненья каменную тень
оставил он тебе в наследство;
встает туманный, зимний день,
и смута зыблет королевство.

Безумные куют мечи,
разумные уносят ноги,
а ты на башне бормочи
в забвенье странном монологи.

Среди друзей, среди врагов
броди, замкнувшись одиноко,
и верь, что повести веков —
лишь пыль на обуви пророка.

Но знаешь — есть один исход,
и жизнь прорежется судьбою,
когда убийца занесёт
клинок тяжелый над тобою.

Всю жизнь смотря из-за кулис,
решишься ты на подвиг славный,
среди прочих действующих лиц
участник драмы полноправный.

* * *

По белому, ровному полю
куда, я не знаю, иду...
Ты дал мне и разум, и волю,
зажег надо мною звезду.

Ты бодро мне крылья расправил
во славу грядущего дня,
пока я тебя не оставил
и ты не оставил меня.

И вот через годы раздора,
как прежде, я благодарю
за эти большие просторы
и дальнюю эту зарю.

Не надо ни дома, ни странствий,
в полях мою душу развей,
хотя раствориться в пространстве
летающей снежинкой Твоей.

* * *

Н. М.

Ты чудик с голенькими ножками.
О, как качается неловко
над коктейбельскими дорожками
твоя похмельная головка!

Растерянно глазами хлопаешь,
лепечешь: «Майку вот украли...»
и снова набережной топаешь,
вся трын-трава и трали-вали.

И я бы побежал за табором
холмами крымскими слоняться,
трястись по кузовам и тамбурам
и от милиции скрываться.

Не сбросить годы мне тяжелые,
не влиться в шум твоих компаний,
не пронести глаза веселые
в простор зовущих расстояний.

Любовь ли это или чудится,
иль просто не хватает дочки,
но только жду тебя, как чудище —
— ты помнишь — в «Аленьком цветочке».

* * *

Бывает вечером такое:
жарю утомленный сад
в закатном нежится покое,
и листья в забытьи висят.

Заходит солнце в небе чистом,
глядишь в открытое окно —
и тихим светом золотистым
прощально все озарено.

И смотришь с нежностью щемящей
на освещенные кусты,
и жалко жизни уходящей
невозвратимой красоты.

* * *

Что тебе делать теперь
на обескровленном свете —
штатское, что ли, примерь
или скучай в кабинете.

Пышно цветет алыча,
смотрят вдогонку афганки,
в жаркой пыли грохоча,
к северу тянутся танки.

Кончился список потерь,
спят госпитальные койки...
Что тебе делать теперь,
Рембо, в рядах перестройки?

После пристрелянных троп,
трупов со снятою кожей
жалок разболтанный треп
и делегатские рожки.

Водишь холодным зрачком
по головам лысоватым —
все полегли бы ничком,
лишь поведи автоматом.

Век изживать ли с тоской,
люто о прошлом жалея?..
Или с железной рукой
встать на плиту Мавзолея?

Старуха

Все вижу я камень шершавый,
народ за резными дверьми,
столицу Сельджукской державы,
мечеть и гробницу Руми.

Там смутно глядит на прохожих
охапка тряпья у ворот,
и тленьем от сморщенной кожи
заране как будто несет.

Всё в мире исполнило тело,
любило и мучилось в срок,
но высохло и оскудело
и пылью покрылось дорог.

Глаза опустила, зевает...
И стройный поет минарет
о том, что лишь дух воспаряет
над мутным течением лет.

Совсем умирает старуха.
И я умираю вдали,
тоскую и кашляю глухо,
скучая в последней пыли.

* * *

Что с тобой? Разве ты не один?
Или ноша уже тяжела
и свободе средь белых равнин
не хватает добра и тепла?

Это в юности греет звезда
и снега обнимают, нежны,
а подступят к душе холода —
и окажется, люди нужны.

Помаши мне, как прежде, рукой
над рекой, где мы вместе прошли...
Это в юности бог далеко,
а под старость — у самой земли.

* * *

Я не знаю, мой друг, что сегодня со мной:
задышало в лицо, потянуло весной,
снова влажному ветру тревожно кружить...
Так не хочется жить и так хочется жить!

Ты не так ли стоял под священной горой,
и в ветвях изнывал зимний ветер сырой?
И у Сены холодной бессонная тень
проклинала не так ли начавшийся день?

Так под хлюпанье луж и под шум камыша
одинокое поет на просторе душа,
и бормочет Бодлер, и вздыхает Басе,
и не знает никто, для чего это всё.

Саврасов

Ты снова замкнулся и запил;
бредешь, позабыв обо всем,
в какой-то замызганной шляпе,
сливаясь с бесцветным дождем.

Ты бросил любимое дело;
и, чувствуя трудную дрожь,
постылое, грузное тело
в глухом отчужденье несешь.

Все суше глядят кредиторы,
косясь на твои рукава,
в сияющем нимбе позора
седая плывет голова.

И сам себе смутен и гадок,
как мукой расплющенный мир,
ты просишь последний задаток
и снова плетешься в трактир.

Сидишь ты со взглядом свинцовым,
застывший в тяжелом чаду,
и зыбким зелено-лиловым
качаются ели в пруду.

Ты знаешь — еще потеплеет,
и краски польются с высот,
и светлой прохладой повеет,
и свежей отрадой дохнет.

Ступай, христианин, в метели,
мычи и бреди наугад...
Они еще не прилетели,
они еще только летят.

С о д е р ж а н и е

«Все знакомо на этой тропинке лесной...» .	3
--	---

1 (1974—1980)

«Так, вырвавшись из-под льда...» .	7
Спас-Купалище	8
«Терновый куст не загорится...» .	9
Блок	10
Гераклит	11
«Люблю березовую рощу...» .	12
Бессонница	13
Ангелочек	14
Усть-Нарва	16
Бах	17
«Что там невнятно лепетала ты...» .	18
«Вот он, забытый языческий миг!...» .	19
«Ладочки тянут побирушки...» .	20
Ушба	21
На лыжах	22
«Как зверек недогадливый, бился...» .	23
Гефсиманский сад	24
«Искрится мокрый снег, плывут большие льдины...» .	25
«Я плачу, Арагва! Не ждал, что увижу...» .	26
«Мычит одиноко корова...»	27
«Когда я стану старым...»	28
«Высоко в небе необъятном...»	29

«К брату я шел через поле ночное...» .	30
Утро .	31
Мостик	32
«Здесь первоначально и прохладно...» .	33
«Вечерний блеск ленивого течения...» .	34
Кактус .	35
Ноябрь .	36
Байрон . .	37
Гельдерлин	38
В дороге .	39
Сулико	40
«Играет солнце гаснущим лучом...» .	41
«Мещанская тоска, божественная скука...» .	42

2 (1980—1985)¹

«Его глаза полузакрыты...» .	45
У памятника .	46
Свидание .	47
Зимний лес	48
В метро . . .	49
Шум морской .	51
В детстве	52
«Все волновало: голос, и походка...» .	53
Ночью . .	54
Серебряный Бор .	55
В палате .	57
Кавказ .	58
Пустыня	60
Лето . .	61
Колумб .	62
Цитадель	63
Ливень	65
«Я много прошел и, наверно...» .	66
Прогулка с обезьяной	67
Тверской бульвар .	69

Прутик	72
Прибой	73
«Подошел ко мне, хвостом виляя...» .	74

3 (1985—1988)

Лестница	77
На смерть друга	79
Малышка	80
Баллада	82
«Как странно все перегорело...» .	84
Март	86
«Работал он не покладая рук...» .	87
Медресе	88
Игрок	90
«Весной, бывало, ветер встречный...»	91
«Приятен утром путь прохладный и недлинный...» .	92
«Наклонится ли дерево к пруду...»	93
«Скучно шахтеру бродить среди пальм и акаций...» .	94
«Средь вечерующих дорожек...»	95
«Сухие травы Крыма...»	96
Полустанок	97
«Все встречаешь с праздничной отрадой...»	98
«Мелькнет река в окне вагонном...»	99
«Ах, вам, наверное, незнакомо...»	100
«Незакатно солнце Ким Ир Сена...»	102
«Весна на улице Заречной...»	103
«Бескорыстья горестный взгляд...»	105
Пахомий	106
Сергиев Посад	108
«Все уже как будто устоялось...»	109
«С крестом отпущенным не споря...»	110
«Мне б только слышать этот снег скрипящий...»	111
«Так много дней уткло в песок...»	112
1. «Светозарно утро над заливом...»	113
2. «Одинокий, жесткий, некрасивый...»	113
3. «Поздно. Тихо. Отойди к покою...»	114

«Полвека пронеслось, как будто ветер дунул...» .	115
Закат	116
«Когда она выходит из волны...» .	117
«Вы долго махали руками...»	118
«Всё здесь дремлет — и разум, и совесть...» .	119
Начдив	121
«Знаю, что приеду в этот город...» .	123
«На дни, поблекшие с годами...» .	124
«Уже цветет сирень...»	125
«Красный Буденный проскачет...» .	126
Франциск .	127
Гамлет	129
По белому, ровному полю	130
«Ты чудик с голенькими ножками...» .	131
«Бывает вечером такое...» .	132
«Что тебе делать теперь...» .	133
Старуха	134
«Что с тобой? Разве ты не один?...»	135
«Я не знаю, мой друг, что сегодня со мной...» .	136
Саврасов	137

Виктор Генрихович Гофман

ВОЛНЕНИЕ ЗВУКА

Редактор И. А. Ко л л и
Художественный редактор Д. С. М у х и н
Технический редактор И. М. М и н с к а я
Корректор Т. В. М а л ы ш е в а

ИБ № 7661

Сдано в набор 28.02.90. Подписано к печати 18.06.90.
А 03117. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага офс. № 1. Обыкновенная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 6,30. Уч.-изд. л. 3,70. Тираж 10 000 экз. Заказ № 151. Цена 40 коп. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Государственного комитета СССР по печати. 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

Гофман В. Г.

Г 74 Волнение звука: Стихи.— М.: Советский писатель, 1990.— 144 с.

ISBN 5—265—01248—6

За первую книгу Виктору Гофману была присуждена Международная премия культуры Сорбоннского университета во Франции (институт Соленара). «Волнение звука» — вторая книга поэта. Его творческий почерк отличается точным чувством слова, строгой формой, искренностью. Чуждый модным изыскам, работающий в спокойной, неброской традиции, В. Гофман насыщает каждое свое стихотворение высокой энергией красоты человеческой души. Он не описывает мир — он создает его заново, мир, который во многом выгодно отличается от жесткой и суетливой повседневности.

4702010202—304

Г _____ 183—90

083(02)—90

ББК 84 Р7

40 коп.

